

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОЙ МАТУШКИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

С глубокой скорбью извещал Леушинский монастырь особыми повестками всех, знавших мать игумению Таисию о том, что «их труженица тихо отдала свою душу Господу».

При сей вести невольно пришлось воскликнуть словами Тайновидца: *Блажени мертвии, умирающие о Господе; ей глаголет Дух, да почуют от трудов своих; дела бо их ходят вслед с ними* (Откр. 14, 13).

Почившая «труженица» без сомнения жила о Христе Господе — без сомнения за этой умирающей игуменией Таисией пошли вслед живые дела духа, дела покаяния, веры, любви к Богу и ближнему. Почившая внимательно исследовала и благовременно располагала свою жизнь и дела так, чтобы она могла умереть о Господе, чтобы могла за пределами гроба переступить, сопровождаемая делами жизни, и чтобы вследствие того способна была услышать глас Духа Божия: «Почий от трудов временной жизни в уповании вечного блаженства».

Неизвестна мне лично первая, большая половина ее жизни, но в последние годы, по кончине незабвенного батюшки отца Иоанна Кронштадтского, я имел возможность знать ее довольно близко, так как почившая, каждый раз, как бывала по делам своей обители

в Петрограде, просила меня исповедать ее и удостоить причащения Святых Таин Тела и Крови Господней, для чего всегда просила служить литургию в той церкви, где покоится тело приснопамятного батюшки; и только в последние два раза, когда она по болезни своих ног, затруднялась приехать в Иоанновский монастырь, почившая просила меня служить литургию в храме Леушинского подворья, на Бассейной, где она останавливалась в свои приезды в Петроград. Там она причащалась во время служения мной литургии и в последний приезд ее в Петроград в 1914 году.

Я узнал почившую уже при постепенном уменьшении крепости телесной; но всегда поражался крепостью ее духовных сил. Утешительно было видеть добрую жизнь благословенную долголетием; но так как и благословение долголетием поприще жизни имеет свой предел, то покойная мать Таисия, рассудив, что может быть призвана от сей жизни внезапно и желая отойти со Христом, во всякий приезд в Петроград приобщалась Божественного Тела и Крови Христовой, что, я полагаю, она делала и при отъезде своем из своей обители Леушинской в Петроград. И Бог даровал ей и сие знамение христианской непостыдной кончины, что и перед самым преставлением своим она приняла напутствие Священных Таинств, перед тем как отворилась для нее тайная дверь вечности, затворенная для нас.

Какую же весть можем дать об отшедшей туда ее присным и знакомым, которые, конечно, неравнодушны к разлучению с нею, хотя и были к тому приготовлены немалым временем?

Ныне справедливо некоторые скорбят о том, что и в людях духовных (иноках, священнослужителях) примечается незрелость духа; но почившая игуменья Таисия в этом отношении представляла собой замечательный образец духовной зрелости, восполняющий примечаемый общий недостаток и дававший собой нам утешение в сей скорби.

Особенная духовная зрелость, несомненно, и была причиной той близости, какой удостаивал почившую игуменю Таисию не-

забвенный отец Иоанн Кронштадтский, живший во Христе. Какие высокие и о каких высоких предметах беседы происходили между этими двумя высоко духовно-настроенными и высоко духовно-зрелыми личностями, можно отчасти видеть из той переписки, какую издала почившая по кончине отца Иоанна...

Эта духовная зрелость почившей, конечно, была и причиной того, что ей именно доверяло духовное начальство: и руководство обителью, и устройство новых обителей и восстановление древних, некогда знаменитых, но в конце концов пришедших в упадок обителей (например, Ферапонтов монастырь и другие). И как много потрудились и как плодотворно потрудились почившая в этом направлении.

Богато одаренная от природы духовными дарованиями, почившая умножила их постоянной работой над собой. Отрекшись от преимуществ и обладания в мире, на что имела возможность по своему рождению, и воспитанию, и образованию, наружно ставши далее от мира еще в самых юных летах, инокия Таисия заботилась только о том, чтобы чувствовать себя ближе к Богу внутренне, не искушалась желанием преимуществ и старшинства между своими подвижницами-инокинями. И жизнь, предназначенную исключительно для подвигов духовных, она не обращала в одно успокоение плоти, как нередко, по крайнему сожалению, можно это видеть во многих обителях иноческих.

Почившая инокия Таисия, получивши достаточно хорошее образование, в институте не осталась, сделавшись инокиней, при скудных детских начатках учения как светских предметов, так особенно учения Христова. Не оставляя дальнейшего знакомства со светскими писателями и предметами научными, почившая особенно старалась постепенно приобретать в учении Христовом новые, более обильные успехи: она заботилась о том, чтобы никакую, даже в тайне сокровенную (как об этом свидетельствуют ее возвышенные беседы с незабвенным отцом Иоанном), премудрость не почитать для себя чуждой, до нее не принадлежащую;

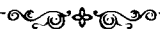
но со смирением устрояла свой ум к Божественному созерцанию, и сердце свое к небесным ощущениям.

Слово Христово было постоянной мыслью в ее уме, господствующим желанием в ее сердце, душой во всей ее деятельности.

Особенно она, согласно наставлению апостольскому, упражнялась во псалмах и песнях духовных.

Но это делала почившая не просто и без внимания, а когда она произносила слова псалма, или другого духовного песнопения, или церковного чтения, то собирала в них всю мыслящую силу свою, углубляла все свое внимание, примечала какая в оных заключается истина, или какая открывается тайна, или какое преподается правило жизни. Она, если и не снопами, как богатые, то, хотя по подобию бедных, малыми классами и зернами собирала на великой ниве Церкви семя жизни и засекала постепенно свою малую духовную ниву. Если встречала что-либо невразумительное для себя, то спешила обратиться к внимательному и опытному, преимущественно поставленному Церковью наставнику, да последует одному от другого вразумление в том, что кому открылось (как это можно опять видеть из собеседований ее с отцом Иоанном), а особенно, старалась достигнуть до высокого познания через путь молитвы сердечной, безмолвной.

В почившей и высокие знания, и приятные искусства не стесняя друг друга находили свое место: она знала прекрасно музыку, пение, была композиторшей нескольких церковных песнопений; прекрасно под ее руководством сестры ее обители вышивали различные церковные облачения и другие предметы. Она была одарена и поэтическим даром и написала несколько изящных, высокохудожественных произведений, стихотворений. Пение церковное в ее обители было поставлено ею настолько образцово, что молящиеся в храмах ее обители и подворья в Петрограде, не лицемеря нисколько, называли это пение «небесным», «райским»: так оно действовало на душу молящихся, так их умиляло и восхищало.

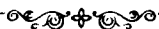

Жизнь по заповедям Божиим и по укладу церковному, богослужение Православной Церкви, участие в нем всей душой и всем разумением почившая считала полным светом и жизнью духа; а то, что в мире обыкновенно называют просвещением, она называла не более, как лунным мерцанием света и жизни. Особенно она заботилась о том, чтобы, совершая священное песнопение, или участвуя в оном, не одними устами и не без разумения; но старалась о том, чтобы сердце, как молящихся в храме, так и самих исполнителей пения ответствовало на внешний псалом, в духовном созвучии. Она так заботилась составить композицию церковных песнопений, чтобы сердце молящихся при воплях покаяния сокрушалось и умилялось, пред глаголами веры и тайн благоговело и смирялось, при гласах славословий восхищалось на небо, когда воспевается любовь к Богу и надежда на Него, веселилось и радовалось, при песнях духовных, изображающих духовную, Богоугодную жизнь, всеми своими желаниями воскрылялось к сей вожденной жизни; наконец, чтоб и тогда, когда в устах пение умолкает, оно еще отзывалось бы в сердце, и возобновлялось воспоминанием и повторением благодатных ощущений.

Почившая матушка игуменни Таисия особенно любила находить образцы для подражания в священных книгах. Так, она любила указывать на достойных подражания певцов, *стоящих на стеклянном море, держащих гусли Божии и поющих песнь Агницу, прославляющих Святое имя Божие* (Откр. 15, 2–4).

Она особенно восхищалась благоговейным служением целого собора священников, когда они благоговейно, после освящения даров во время Божественной литургии, все одновременно преклонялись пред престолом Божиим: это ей напоминало то сказание Апокалипсиса, в котором говорится о том, как *двадцать четыре старца поклонялись Богу, сидящему на Престоле, говоря: «Аминь! Аллилуйя!»* (Откр. 19, 4).

Из этого видно, что почившая еще здесь, на земле, жила созерцаниями образов небесных и в этом созерцании находила вос-

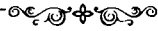
хищение. И *сердце* ее во *благодати* *пело* *Господеву* (Кол. 3, 16), по слову апостола.

Таким образом, почившая матушка игумения Таисия может служить опытом и примером, до какого успеха в духовной жизни может довести простое поучение в псалмах, и пении, и песнях духовных по руководству Христовой Церкви.

Другая поучительная черта в почившей — это терпеливое несение скорбей, которыми по судьбам Божиим, посещалась почившая в своей многолетней жизни, и когда изнемогало терпение, подкрепляла его молитвой, чтобы не впасть в нетерпение и ропот. Подвергая себя довольно очистительной работе внутренней скорби, покаяния и самоукорения, почившая особенно в последние годы своей жизни, все внешние скорби принимала с терпением и смирением, помня всегда путь, который указывает Евангелие к Царствию Божию. *Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

Высокая молитвенница, она постоянно искала пособия молитвы от других людей: в этой глубине ее смирения лучше берегалась высота ее достоинства. Она старалась поддержать себя молитвой других для того, чтобы иметь во всех случаях намерения Богу угодные, ближним полезные, собственной душе ее спасительные, чтобы иметь возможность нелицемерно во всяком случае, соделать такую долю добра и правды, какая ей возможна по дару Божию естественному, и по предварительной благодати.

Избравши путь жизни уединенной и особенно посвященной Богу и молитве, почившая старалась проходить мысленно, по книгам и преданиям, духовные пустынножительства и общежительства, чтобы видеть хотя издалека следы великих в этом роде подвижников, устроителей монашеского жития, и многих из века в век стопами их следовавших, и иметь удостоверительное познание спасительного для нее пути. И как почившая скорбела о том, что большая часть нынешних обителей пустынь-монастырей отстала от этих своих предшественников так далеко,

что, говорила почившая, мы оскорбляем их, называясь их последователями. Те из мрака пустынь, как звезды просияли светом духовным, и озарили вселенную. А мы, говорила почившая, чему подобны? Мы, постоянно имея соседство с мирскими человеками, непрестанно рассеиваем свою мысль, порабощемся мирскими желаниями, возмущаем свою душу и совесть, предаемся суете и чувственным насыщением притупляем себе глад и вкус к духовной вечери Царства Божия (Откр. 19, 9).

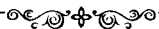
Посему-то почившая подвижница и старалась вооружить себя мечом духовным, глаголом Божиим; держала его в своей памяти и в своем сердце; старалась обучить себя обращать его острие против всякого глагола беззакония, чтобы никакое зло не было для нее непобедимо.

Среди покоя других она бодрствовала на страже веры и подвижнической жизни, на страже своего и других спасения.

И почившая при помощи благодати Божией, способна была руководить подчиненных ей по пути спасения, и не только руководить, но начертать новые правила во вновь устрояемых ею по поручению духовного начальства обителях и вводить эти правила в употребление. Но при этом она всегда чувствовала себя малой и ничтожной.

Из этого видно, что она обладала свойством людей, истинно способных, и душ возвышенных. Чем более возвышало ее духовное начальство, тем далее она видела себя от совершенства внутренне, тем менее на себя полагалась, тем более смирялась, тем менее искала видимого возвышения. Она, особенно в последние годы своей жизни, нередко обращалась к духовному отцу своему, с неоднократным вопросом: способна ли она начальствовать, не напрасно ли она носит почетное звание начальницы, пользуется преимуществами и выгодами?

Но она стремилась уклониться от возложенных на нее должностей и обязанностей не потому, что находила их не довольно сообразными со своей личной пользой, не довольно приятными,

не довольно почетными, но по чистому смирению. Она не смела принять высокого поручения, когда оно приближалось (как например, было при поручении ей — восстановить древний Ферапонтов монастырь и преобразовать его из мужского в женский), но она не смела не принять поручения или избрания, когда оно совершилось. В деле начальствования почившая была осмотрительна и осторожна, проявляла большую рассудительность, а также и смирение полное. Она особенно заботилась о том, чтобы управление ее обителью было благопопечительно, чтобы молитва подчиненных ей сестер была крепка и чиста, чтобы они держались строго православного учения; суд над ее сестрами, можно сказать, всегда был праведен и растворен милостью.

Вот на что можно указать из жизни почившей, в утешение и подкрепление продолжающих земной подвиг в вере и благоделании, с большими или меньшими трудами и скорбями, скорбящим об отшедшей.

Вслед за умершей пошли не дела плоти, тлеющие и растлевающие, не дела земной корысти и чувственного самолюбия, мертвые и умерщвляющие, но живые дела духа, дела покаяния, веры, любви к Богу и ближним.

Почившая умерла о Господе, и мы имеем основания верить, что она пошла с миром к Горнему Иерусалиму, сопровождаемая молитвами любви, и будет молиться взаимно о своих сподвижниках, да продолжает в них жить и действовать древнее благочестие, да спасется Святая Русь, которую почившая так любила, молитвенными подвигами обитателей монастырей, да благоденствует русский народ при благословенном Богом Царе, которого так благоговейно чтит почившая, да будет бессмертен его род, так милостиво относившийся к почившей и так его ценившей.

Протопресвитер Александр Дернов

Сказано 3 января, записано

по памяти 18 января 1915 г.